

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

И. А. Халий

Общественные движения как инновационный потенциал местных сообществ в современной России

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора социологических наук

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/HaliyI_Avtoreferat.pdf

Перепечатка с сайта Института
социологии РАН <http://isras.ru/>

URL: <http://www.civisbook.ru>

Халий Ирина Альбертовна

Общественные движения как инновационный потенциал местных сообществ в современной России

Специальность 23.00.02 «Политические институты, этнополитическая конфликтология, национальные и политические процессы и технологии»

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора социологических наук

Москва 2008

Общая характеристика работы

Актуальность исследования

Общественные (на английском языке social, то есть социальные) движения, находящиеся в фокусе настоящего исследования, рассматриваются в социологии как часть гражданского общества. Также воспринимаются они и современными российскими политиками, интерпретируются в обыденном сознании россиян, соответствующим образом идентифицируют себя и сами активисты движений и неправительственных организаций. Более того, движения – есть одна из форм институционализации структур гражданского общества, а потому являются его относительно устойчивой основой.

Актуальность исследования социальных движений в России имеет и научно-теоретическое и практическое значение.

В социологическом дискурсе на современном этапе остро стоит вопрос о том, что означает сегодня такое социальное явление как общественные движения, какие роль и место они занимают в социально-политической системе общества, являются ли они субъектами социального действия, оказывают ли они влияние на социальные процессы и на изменение социальной реальности в целом. Особо актуальными эти вопросы стали в контексте анализа глобализации, радикально повлиявшей на востребованность участия рядовых граждан и их объединений в жизнедеятельности общества. Внимание ученых сосредоточилось на том, что такое современная демократия, ибо очевидным стало изменение ее сути и содержания, поскольку сужаются возможности граждан и их объединений оказывать влияние на многие глобальные процессы, но при этом возникают новые общественные движения, с другой.

Указанная тематика занимала и занимает серьезное место в изысканиях международного научного сообщества, что подтверждает уже тот факт, что в фокусе последнего форума Европейской социологической ассоциации оказались именно структуры гражданского общества (VIII Конференция Европейской социологической ассоциации "Конфликт, гражданство и гражданское

общество", Глазго, 3 - 7 сентября 2007 года). Российские социологи в большой степени также заняты исследованиями гражданского общества и проблем развития демократии в России и в современном мире в целом, нежели изучением столь конкретного предмета как общественные движения, но даже при этом есть целый ряд публикаций и аналитических подходов, посвященных именно им. Однако стремительные перемены, происходящие в нашей стране на современном этапе, требуют постоянного сбора данных и их анализа и желательно - в мониторинговом режиме.

Для социальных реалий современной России проблема формирования структур гражданского общества актуальна по нескольким основаниям. Во-первых, осуществление реформ рыночной направленности без возникновения институтов контроля над деятельностью экономических акторов невозможно. Такими институтами могут быть государство и структуры гражданского общества (в идеале – их кооперация). Государство сегодня в этом направлении активизировалось, но, очевидно, что выполнить означенную функцию в полном объеме самостоятельно даже ему не представляется возможным. И определенные политические круги это не только понимают, но публично признают необходимость участия в этом процессе структур гражданского общества. Во-вторых, твердую уверенность в значимости гражданской активности и самоорганизации общества для разрешения социальных проблем и оказания влияния на экономических и политических акторов выказывают те (по опросам их в стране около миллиона человек), кто уже вовлечен в волонтерскую деятельность, и в первую очередь это члены неправительственных организаций и им сочувствующие. Однако общество в целом весьма далеко от осознания значимости структур гражданского общества как актора, способного эффективно действовать на социально-политической арене. Тому множество причин, которые сегодня необходимо выявить для того, чтобы процесс формирования гражданского общества в России интенсифицировался. В-третьих, их анализ внесет существенный вклад в информированность общества об этой, все еще весьма для него неясной, сфере. Отсутст-

вие знаний о гражданском обществе большинства граждан России есть одно из главных препятствий на пути его развития. В-четвертых, знание о том, каково сегодня состояние гражданского общества и общественных движений в частности, необходимо для оценки (как внутренней – российского общества и государства, так внешней – другими государствами и международными организациями) уровня демократизации трансформирующегося общества. Наконец, знания эти необходимы для того, чтобы определить, насколько общественные движения способны, готовы и имеют возможность быть инновационным потенциалом российского реформирования и посреднической структурой между обществом и государством, которая способствует развитию адаптационного потенциала общества.

В связи с актуальностью избранной темы определяется и основная **проблема исследования**: научного осмысления требует противоречие между реальным существованием целого ряда общественных движений и неправительственных организаций в современной России, которые действуют уже на протяжении более чем 20 лет, и тем, что их влияние на социальные и политические процессы остается все это время непризнанным ни обществом, ни государством, что позволяет социологам и политологам утверждать, что гражданского общества в стране нет или оно находится в зачаточном состоянии.

С точки зрения избранного научно-теоретического подхода о трансформационной структуре общества, возникает противоречие теоретического характера: этот подход относит организации гражданского общества к трансформационно-инновационной структуре, а тех, из кого они состоят (массовые слои интеллигенции), - к адаптационному потенциалу общества¹, что также требует научного анализа, основанного на эмпирических данных.

Состояние научной разработанности проблемы исследования

В западной социологии существует целая отрасль, занимающаяся изучением социальных движений. Разработанные в этой отрасли за полвека теории социальных движений исследователями науки объединены в три систем-

---

¹ Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества: Деятельно-структурная концепция. - М.: Дело,2002.

ных подхода, условно названных парадигмами. В данном случае под парадигмой понимается комплекс методологических подходов, теорий, выводов и даже позиций ученых, фокусом исследований которых являются социальные движения. Каждая парадигма предлагает конкретные методы сбора и анализа данных, определение их источников, результаты исследований.

Изыскания ученых и их формирование в комплексные теории происходило последовательно, по мере развития общества. Можно сказать, что каждая парадигма отражает определенный этап развития социальных движений. Парадигма «коллективного поведения» (среди ее основоположников К. Блумер, Р. Тернер, Л. Киллиан, Дж. Дэвис и др.) сложилась в 50-е годы, главным образом в социологии США, когда ученые стали анализировать совместные выступления граждан в защиту своих прав, интересов и ценностных установок. Уже к 60-ым годам теория социальных движений становится самостоятельным направлением социологического знания, и ее развитие было продолжено появлением второй парадигмы - «парадигмы коллективного действия» (основоположниками считаются Дж. Мак-Карти, М. Залд, Э. Томпсон, Ч. Тили, Э. Обершол, У. Гэмсон, Д. Мак-Адам и др.). С этого времени социальные движения становятся легитимной частью политической и управленческой систем, институционализируются в виде новых организационных структур – неправительственных (или негосударственных) некоммерческих организаций. В социологии этого периода их называют организациями социальных движений (*social movements' organizations*). В результате предметом исследования становятся организационные единицы, действующие в обществе. Последние, в свою очередь, согласно этой точке зрения, представляют собой совокупность рациональных коллективных субъектов (т.е. объединений граждан), приобретающих статус социальных институтов. С позиций рационализма, характеризующего функционирование социальных институтов, рассматриваются и общественные движения. В 80-е годы мир встретился с рядом абсолютно новых вызовов современности. К таковым в первую очередь относились достигшие высокого уровня напряженности проблемы экологии,

войны и мира, соблюдения гражданских прав, равноправия женщин и т.п. Основной акцент социальной активности сместился с реализации экономических и политических интересов конкретных групп к формированию новых ценностных оснований существования и жизнедеятельности общества в целом (как на национальном, так и на мировом уровнях). Научное осмысление происходящих социальных процессов, связанных с развитием самоорганизации общества, стало опираться на научную парадигму «новых социальных движений» (ее представители А. Турен, М. Кафельс, Э. Гидденс, К. Оффе, Д. Рухт, А. Мелуччи, А. Пиззорно, М. Вивьерка, Х. Кризи и др.).

Изучению демократии как современного процесса взаимодействия гражданского общества и государства в значительной степени посвящены ставшие классическими исследования Г. Алмонда, А. Турена, Э. Гидденса, М. Кафельса, Д. Истона, С. Хантингтона, Р. Даля, С. Липсета, М. Олсона. Ряд ученых, в частности, Д. Коммонс, А. Бентли, Д. Трумэн придерживались концепции группового участия, согласно которой главным субъектом политики в современном мире становятся ассоциации, добровольные объединения людей, связанных не родством, а общими интересами. Весьма значимой для понимания места и роли различных форм гражданского участия стала концепция «совещательной демократии», разрабатывавшаяся американскими исследователями Э. Гутман, Д. Томпсоном и Д. Фишкиным. Понимания гражданского общества как социального феномена, основанного на определенных ценностях, придерживался Э. Геллнер. Детальный обзор теорий гражданского общества и гражданского участия дали Э. Арато и Д. Коэн.

Среди отечественных исследователей теоретико-методологическими и ценностными аспектами демократии и гражданского участия, а также гражданского общества в целом занимались, Ю. Пивоваров, А. Галкин, Ю. Красин, М. Горшков, З. Голенкова, А.Г. Здравомыслов, Л. Романенко, В. Петухов, А. Кинсбургский, С. Перегудов, А. Соловьев, М. Ильин, А. Ахиезер, Г. Дилигенский, рассматривая эти проблемы, прежде всего, как часть вопроса о формировании и изменениях политической культуры в условиях реформи-

руемой России. Опыт участия граждан в управлении на местном уровне: в муниципальных образованиях и еще более мелких структурах – соседских общинах изучали Е. Шомина и И. Мерсиянова.

Большое количество работ посвящено формам деятельности неправительственных организаций, действующих в современной России и на международном уровне. Наиболее значимыми среди них являются исследования В. Ядова, Л. Гордона, Э. Клопова, О. Яницкого, А. Дука, Л. Дробижевой, В. Мукомеля, С. Айвазовой, С. Климовой, Е. Здравомысловой, И. Климова, С. Патрушева, Т. Павловой, Л. Никовской, А. Кацвы, О. Цепиловой.

Объект – местные и другие сообщества в современной России, члены которых составляют «базовый слой российского общества», который, по определению Т.И. Заславской, является «наиболее массовым элементом социальной структуры» и «представлен средними рядовыми россиянами».

Сообщество рассматривается нами как группа людей, объединенных общими интересами, ценностями и целями, действующая на протяжении длительного периода времени и добивающаяся определенных результатов. Местным сообществам придается такое название, поскольку люди в них объединены общим местом проживания, являются ли они действительно сообществами подлежит выяснению в ходе исследования.

Предмет – самоорганизация граждан (представителей местных и других сообществ) в виде общественных движений и неправительственных организаций и их коллективные действия.

В настоящем исследовании анализу подлежат только общественные движения и неправительственные организации, созданные «снизу», то есть речь пойдет о самоорганизации граждан, представляющей собой основу для создания гражданского общества в стране. И с этой позиции мы будем рассматривать их как ячейки гражданского общества, составляющие на текущий момент его каркас, его до определенной степени институционализированный фундамент. Хронологические рамки исследования – весь период российских трансформаций (вторая половина 1980-х годов до 2006 года).

Цель – выявить инновационно-реформаторский потенциал местных и иных сообществ (базового слоя) российского общества. В нашем исследовании это означает выявление того, обнаруживаются ли среди его представителей субъекты социального действия – общественные движения и неправительственные организации, ведет ли их деятельность к появлению новых, инновационных, соответствующих реформационным процессам, социальных институтов в виде устойчивых социальных практик, норм, правил жизнедеятельности, а также новых форм взаимодействия различных социальных групп. Инновационно-реформаторский потенциал – это не только позитивное восприятие и поддержка реформ, но и их коррекция (в том числе и способом противодействия осуществлению некоторых изменений) в соответствии с потребностями, интересами и требованиями различных социальных групп, то есть это и конвенциональные, и протестные действия объединений граждан.

Задачи

- разработать комплексный теоретический подход к исследованию социальных движений, основанный на достижениях западной социологии (и, в первую очередь, с опорой на деятельностно-активистский подход и парадигмы изучения движений) и российских ученых – конца XIX – начала XX вв. и современных;
- выявить основные характеристики местного сообщества как социального явления, которые преобразуют конгломерат местных жителей в сообщество, в результате чего они становятся социальной средой, благоприятной для формирования общественных движений;
- определить соотношение инноваций и традиционализма, присущих местным сообществам и общественным движениям, а также их носителей; обнаружить присущие местным сообществам, общественным движениям и властям всех уровней основные черты российского традиционализма, выявляющиеся при анализе предмета данного исследования;
- проанализировать причины и условия возникновения общественных движений и среду, их порождающую; соотнести типы социокультурных раз-

личий, существующих в современном российском обществе, с направлениями деятельности общественных движений;

- проанализировать историю развития общественных движений в досоветской России для выявления традиционалистских и инновационных черт в деятельности современных движений и в отношении к ним государства;
- определить этапы развития российских общественных движений и сравнить их с этапами развития движений в странах Запада;
- выявить инновационные формы деятельности современных российских общественных движений.

Основные гипотезы исследования:

- Российский традиционализм в его влиянии на осуществление инновационного реформирования выполняет одновременно и функцию торможения адаптационных процессов и функцию сдерживания социальной напряженности, вызываемой этим реформированием.
- Носителями традиционализма являются все социальные группы, анализируемые в исследовании, - базовый слой российского общества, члены общественных движений, власти всех уровней.
- Успешность реформирования наибольшим образом связана с тем, насколько высок окажется его (реформирования) адаптационный потенциал, в свою очередь это будет зависеть от того, способны ли власти всех уровней к инновационным способам управления, избавляясь при этом от традиционалистских подходов, и насколько успешно общественные движения осуществляют инновационные действия и укореняют эти инновации в российском обществе.
- Превращение общественных движений в носителя инновационно-реформаторского потенциала и агента адаптации реформирования возможно только при условии, что они сами окажутся готовыми выполнять функции посредника между обществом и государством, действуя инновационными методами, и власти станут относиться к ним как к та-

ким посредникам, то есть как к партнерам, которые имеют право принимать участие в процессе принятия решений и могут реализовать его.

- «Массовые слои интеллигенции»² (представляющие собой большинство участников общественных движений), являясь основной частью состава современных общественных движений, характеризуются неким «пограничным» состоянием, поскольку его представители в своих установках ориентированы на инновации (в том числе по западному образцу), но на практике вынуждены реализовывать действия, часто носящие традиционалистские черты.

Теоретическая база исследования

Рассматривая социальные движения, мы будем, в соответствии с «парадигмой коллективных действий»³, считать их деятельность естественным социальным явлением, то есть интерпретировать самоорганизацию граждан как осуществление политики иными средствами⁴, выделяя среди них «новые социальные движения» (в соответствии с одноименной парадигмой), которые являются ценностно ориентированными и нацеленными на преобразование общества, а не только на реализацию собственных групповых интересов. Несмотря на то (но, одновременно, имея это в виду), что сегодня подвергнута сомнению значимость актора как субъекта социального и политического действия, исходным для нас будет утверждение, что такой актор продолжает существовать и действовать, поскольку продолжают существовать социокультурные различия социальных групп и слоев (согласно последним изысканиям представителей деятельностно-активистского подхода⁵), более того, этот актор выступает выразителем их интересов и пытается их отстаивать, включаясь в социальные и политические процессы. В условиях трансформирующегося общества социальные движения имеют весьма высокую значимость как реальный субъект социального действия, являющийся, по Т.И. За-

² Термин введен Т.И. Заславской. См. Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества: Деятельностно-структурная концепция. – М.: Дело, 2002.

³ О парадигмах см.: Здравомыслова Е.А. Парадигмы западной социологии общественных движений. – Санкт-Петербург: Наука, 1993. – 172 с.

⁴ См., например: Tilly Ch. Collective violence in European perspective // Graham Y., Gurr T. (eds.). Violence in America. – Washington DC: CQ Press, 1969. – P. 10.

⁵ Турен А. Социология без общества // Социологические исследования. – 2004. - № 7. – с. 8.

славской, одной из трансформационно-инновационных структур, направляющих и поддерживающих преобразования общества. На этом основании будет определено, являются ли российские общественные движения и неправительственные организации таким актором или они сегодня скорее представляют собой часть адаптационного потенциала общества. Для этого необходимо обнаружить: какие цели и образ действия движений соответствуют динамично меняющимся современным российским политическим условиям (в качестве инструмента анализа здесь применяется теоретический подход «структура политических возможностей»); имеют ли движения достаточно ресурсов, чтобы достигать своих целей, способны ли они их мобилизовать (что будет осмыслено при помощи «теории мобилизации ресурсов»). Специфические черты, присущие именно российским общественным движениям, и особенности современного социального и политического контекста⁶ их активности обнаружим при помощи теоретических подходов российской социологии рубежа XIX-XX вв.

Эмпирическая база

Работа опирается на исследования, проведенные автором совместно с коллегами сектора по изучению социокультурного развития регионов России в 1997-2006 гг. За эти годы осуществлено пять крупных научных проектов (Солидаризационные процессы в российских регионах, 1997-1999; Социально-экономические и экологические проблемы в лесорубных поселках России и самоорганизация местных жителей”, 2000-2001; Минимизация промышленных рисков в регионах России и деятельность в этой сфере неправительственных организаций», 2002-2005; Социокультурные основания деятельности гражданского общества», 2005-2006, «Образ гражданского общества, конструируемый Российской прессой», 2006-2007) и шесть более мелких, в рамках которых изучалось многообразие социальных реалий, разворачивавшихся на местном (в 20 районных центрах и поселках), региональном (более

---

⁶ В осмыслении понятия «контекста» мы опираемся на его интерпретацию, предложенную О.Н. Яницким в его статье «Экологическое движение и контекст: становление гражданского общества в посттоталитарной среде», опубликованной в журнале «Социологические исследования», 1992, № 12, с. 40-51.

10 субъектов федерации) и федеральном уровнях. Цели этих проектов были различными, но во всех обязательно в фокусе оказывалась деятельность общественных движений и неправительственных организаций. Основными методами сбора данных стали методы качественные – глубинные интервью, фокус-группы, однако проводились и опросы населения.

Автор диссертации являлся руководителем трех проектов, осуществленных экологическими неправительственными организациями (Укрепление роли экологических неправительственных организаций на экополитической арене регионов России, 2000-2002; Местная повестка дня на XXI век в России, 2001-2004; Экологическая активность неправительственных организаций в России, 1998). Проекты были направлены на поддержание и развитие экологического движения и его местных организаций. С научной точки зрения, участие в этих проектах рассматривалось нами как научный эксперимент, позволивший осуществить включенное наблюдение в течение нескольких лет. Кроме того, в рамках этих проектов в семи регионах проводились с аудиозаписью «рефлексивные семинары» с участием в них основных неправительственных организаций. Методика проведения семинаров разработана автором на основе метода «социологической интервенции» А. Турена, под руководством которого в России в 1991-93 гг. осуществлялся научный проект с участием диссертанта.

Кроме полевых исследований, источниками данных стали документы и материалы общественных движений и неправительственных организаций (изучено около 700 единиц), а также публикации федеральной, региональной и местной прессы. Особым методом формирования информационной базы исследования стало издание альманаха «Участие. Социальная экология регионов России» (с 1999 по 2003 год вышло 13 выпусков), в которых помещены статьи, подготовленные различными региональными и местными акторами из 13 субъектов федерации, или интервью с ними. Широко использовались данные, полученные из Интернет-ресурсов.

Научная новизна работы

1. Возникновение общественных движений объяснено социокультурными различиями, выявлено соответствие их типов направлениям деятельности неправительственных организаций.

2. На основе анализа истории общественных движений в досоветской России предложены этапы их развития, обнаружены условия и причины их возникновения, развития и прекращения деятельности.

3. Проведен сравнительный анализ российских общественных движений конца XIX – начала XX вв. и современных, обнаружены их сходство и спецификации.

4. Выявлены этапы развития современных общественных движений в России, обоснованные материалами исследования, проведено их сравнение с этапами развития западных движений, также предложенное диссертантом.

5. Определены основные характеристики местного сообщества как социального явления, при наличии которых конгломерат местных жителей можно рассматривать уже как сообщество.

6. На основе подходов российской социологии конца XIX – начала XX вв. и собственной интерпретации понятий «герой» и «толпа» выявлены современные условия превращения сообщества в толпу и доказано, что традиционализм «базового слоя» российского общества удерживает страну от крайних форм социальной напряженности.

7. Выявлены базовые характеристики российского традиционализма, обнаруженные при изучении местных сообществ и общественных движений.

8. Доказано, что современные российские общественные движения, являясь инновационными структурами гражданского общества, одновременно сохраняют некоторые традиционалистские черты, характерные для «базового слоя».

9. Впервые в российской социологии проанализирована экономическая активность общественных движений и возникновение профессиональной неправительственной организации, созданной посредством Интернет.

Положения, выносимые на защиту

1. Основной средой, порождающей общественные движения⁷, является сегодня базовый слой общества, большей частью это местные сообщества. Связано это с тем, что в условиях глобализации они (местные сообщества) исчезают из поля зрения всех, кто принимает решения, проблемы их жизни больше (и, возможно, пока) никого не интересуют. Не являются приоритетными и такие проблемы как экологические, феминистские, а другие — правозащитные, жилищные - часто от внимания властей лишь обостряются, слабо решаются проблемы социальных последствий военных конфликтов и т.п. А это как раз, те вопросы, которые российские новые социальные движения (как авангард местных сообществ, их наиболее активная и организованная часть) пытаются актуализировать, а часто и выдвигают требования поставить их в политическую повестку дня. Но практически они оказываются не в состоянии добиться необходимого отношения к ним общества и решительных действий государства.

2. На местном уровне обнаруживаются условия формирования такого социального явления как «толпа»: большая часть местного населения остается невостребованной современной экономикой; власти устранились от организации жизнедеятельности местных сообществ; борьба за выживание в период становления рыночной экономики не оставляет ресурсов для других форм активности; продолжает действовать сохраняющаяся установка большей части населения на самостоятельное, без вмешательства извне (и, в первую очередь, без помощи властей) разрешение собственных проблем, что осуществляется посредством единственной и традиционной технологии выживания – тяжелейшего личного труда. Причем последнее является не только условием формирования предпосылок для возникновения «толпы», но одновременно и сдерживающим от скатывания в это состояние фактором. Другим таким фактором представляется то, что в большинстве случаев продолжает выполнять функцию воспитания современная школа (и особенно в глубинке),

---

⁷ Понятие было введено О.Н. Яницким. См.: Яницкий О.Н. Экологическое движение в России. Критический анализ. - М.: Институт социологии РАН, 1996.

дающая знания, что само по себе противостоит возникновению состояния «толпы», а также то, что еще не ушли с общественной сцены те, кто получал образование в советское время.

3. Лидерами местных сообществ активисты общественных движений не становятся (по крайней мере, в условиях повседневной, не осложненной специфическими обстоятельствами жизни). Это объясняется недоверием к их деятельности большей части граждан (ибо позитивные факты о ней гражданам не известны, поскольку редко об этом публикуется в СМИ – основном источнике информации) и скепсисом в отношении эффективности этой деятельности (всем очевидно, что достаточными ресурсами НПО не обладают), отсутствием опыта самоорганизации, стремлением властей сдерживать приобретение населением соответствующих навыков, а также установкой граждан на самостоятельное разрешение своих проблем с ожиданием минимальной помощи от государства. Наличие собственной традиционной технологии выживания делает для большей части населения страны невостребованными социальные инновации, особенно западного образца, предлагаемые современными общественными движениями.

4. Местные сообщества, выдвигая из своих рядов наиболее инициативных и инновативных сограждан в ряды общественных движений, то есть, будучи, таким образом, средой порождающей, не становятся средой поддерживающей (за редким исключением особых пиков социальной напряженности), но представляют собой скорее среду индифферентную, которая может в определенных условиях оказываться и враждебной. Традиционалистские установки властей – авторитаризм, контроль над распространением информации, стремление держать в собственном ведении распределение ресурсов и т.п. - и их реализация создают тот контекст, который постоянно поддерживает потенциал превращения местных сообществ во враждебную для общественных движений среду, поскольку последние любой своей активностью создают риски для сохранения status quo в системе управления.

5. В условиях отсутствия идейно-идеологической поддержки со стороны властей и сообществ потенциал влияния движений на социальные процессы минимален (что, собственно, и позволяет некоторым ученым констатировать отсутствие актора). В социальной среде превалируют традиционалистские установки над инновационными. Но если в условиях западных развитых демократий содержанием традиционализма, также присущего обществу, являются демократические и рыночные отношения, то в трансформирующемся российском обществе авторитарный традиционализм тормозит, в первую очередь, утверждение демократических инноваций. В результате преобладания традиционалистских установок над инновационными ослабленным оказывается трансформационный потенциал российского общества. Общественные движения и неправительственные организации, которые должны способствовать адаптации реформационных процессов обществом, не могут эффективно выполнять эту функцию, поскольку лишены необходимого для этого авторитета и возможности влиять на принятие решений, в том числе и участвовать в разработке самих реформ.

6. В России общественные движения прошли четыре этапа развития, как и движения в западных странах, однако достигнутые результаты принципиально различны. И в этой сфере «скачок», осуществляемый страной в рамках догоняющей модернизации, не принес ожидаемых дивидендов. Исследование истории общественных движений в досоветский период и сравнение полученных результатов с современными движениями показали принципиальное и потенциальное сходство их основных характеристик. Такое сходство свидетельствует о том, что сами общественные движения являются носителями традиционалистских установок, и еще раз подтверждает, что к ним относятся и власти. Однако эти установки осуществляются в новых социальных, политических и экономических условиях, присущих эпохе глобализации, что влечет за собой и определенные инновации.

Теоретико-практическая значимость работы состоит в предложенной методологии исследования социальных движений в условиях фундамен-

тального реформирования общества. Предложен разработанный диссертантом комплексный теоретический подход, включающий в себя основные концепты западной социологии, дополненные для научного осмысления российской специфики теоретическими подходами российских ученых конца XIX – начала XX вв. в их сопоставлении с подходами современной российской социологии, что позволяет не только анализировать развитие современных российских общественных движений, их роли и места в процессе трансформации, но и выявить традиционализм и инновации в их активности и в социально-политическом контексте их деятельности.

Полученные результаты и предложенный способ анализа могут быть применены современными политиками в определении общественных движений как современного социального явления, в оценке степени развития гражданского общества и способов развития демократии в нашей стране.

Представленные в работе выводы и методология исследования могут использоваться самими структурами гражданского общества, которые постоянно занимаются саморефлексией и анализом социально-политической ситуации, что во многом определяет возможности их развития.

Теоретические разработки и эмпирические данные могут использоваться в образовательном процессе высшей школы на социологических и политологических факультетах.

Апробация исследования

Результаты исследований, обобщенных автором в диссертационной работе, представлялись в виде докладов на общероссийских, региональных и международных научных конгрессах и конференциях (в последние пять лет автор выступал с докладами более чем на двадцати научных форумах, включая всероссийские социологический и политологический конгрессы, конференции Европейской социологической ассоциации и др.). На основании полученных данных разработаны и читаются одиннадцать учебных курсов в Государственном университете гуманитарных наук и Государственном университете – Высшая школа экономики (темы курсов: «Общественные движе-

ния и социальное представительство», «Согласование интересов в публичной политике», «Социальное партнерство: взаимодействие государственных, коммерческих и общественных структур» и др.).

Структура работы

Диссертация состоит из Введения, пяти глав, заключения, списка литературы и трех приложений. Библиография включает около 400 наименований.

Основное содержание работы

Во **Введении** раскрывается актуальность темы, формулируются основные проблемы исследования – в практической сфере и в научно-теоретическом аспекте, оценивается состояние разработанности темы, определяются объект, предмет, цель и задачи, выдвигаются гипотезы исследования, представляется разработанный автором комплексный научно-теоретический подход, ставший методологическим фундаментом исследования, дается характеристика эмпирической базы работы, выявляются новизна и теоретико-практическая значимость исследования.

В первой главе «Методология исследования», состоящей из пяти параграфов, показано формирование комплексного научного подхода к исследованию современных общественных движений в России, основанного на соединении значительной научной традиции западной социологии, современного российского теоретизирования и теоретических подходов российских социологов конца XIX – начала XX вв.

В первом параграфе «Парадигмы изучения социальных движений. Определение понятий» констатируется, что в работе будет применен синтез подходов, разработанных в теории социальных движений. Он заключается в том, что, изучая современные общественные движения в России, мы будем опираться на парадигму «новых социальных движений», поскольку они таковы по определению. В самом деле, экологическое движение, которому по-

священа значительная часть работы, является принципиально новым движением, уже потому, что имеет ценностные основания, по которым идентифицируют себя его члены и сторонники. Кроме того, все современные российские движения являются новыми, поскольку их деятельность разворачивается в принципиально иных социальных и политических условиях, но главное – потому, что в советское время многих из них просто не существовало. Одновременно, как подчеркивается в параграфе, при их анализе будут использованы подходы «парадигмы коллективного действия» - структура политических возможностей и теория мобилизации ресурсов. Эти два параметра имеют значение не только для осмысления деятельности практически всех движений, но и носят решающий характер для их развития и, самое важное, для достижения ими желаемых результатов. В первую очередь, синтез всех теоретических подходов будет применен к определению предмета исследования.

Автором предложено самое общее определение понятия: это добровольное и самодеятельное объединение граждан, перед которыми жизнь поставила общие проблемы, которые не могут быть разрешены индивидуальными действиями. Однако следует учитывать, что в современных условиях социальные движения носят различный характер, вследствие чего в конкретном анализе следует опираться на определения, разработанные в рамках каждой из означенных парадигм.

Массовые выступления граждан могут интерпретироваться, в соответствии с парадигмой «коллективного поведения», как специфический тип поведения толпы, которое является стихийным, непрогнозируемым, неорганизованным и иррациональным. В рамках этой парадигмы коллективное поведение рассматривалось как неинституциональные действия, нарушающие *status quo* действующей социально-политической системы и являвшееся следствием высокой социальной напряженности, особенно в периоды социального упадка и дезинтеграции общества, то есть во времена кризисов. Это в полной мере соответствует нашей ситуации, особенно в конце 1980-х - начале 90-х годов. Более конкретно движения такого рода определяют Р. Тер-

нер и Л. Киллиан, по мнению которых общественное движение «представляет собой коллективное образование, действующее в течение достаточно длительного времени, целью которого является содействие или сопротивление социальным изменениям в обществе или группе, частью которой оно является»⁸. В центр внимания исследователей парадигма ставила уровень неудовлетворенности, социальной напряженности. В нашем случае такое определение предмета следует иметь в виду при рассмотрении социальных явлений, происходящих в местных сообществах.

Движения большей степени институционализированности, то есть оформившиеся в виде объединений, в большинстве случаев зарегистрированных государством как неправительственные организации (коих в современной России большинство), следует определять в соответствии с теоретическими подходами парадигмы коллективного действия. Ее основоположники Дж. Мак-Картти и М. Залд интерпретируют их как «совокупность мнений и представлений людей, в которых выражено стремление к изменению социальных институтов или социальной структуры общества»⁹. Такая обобщенная интерпретация, не фиксирующая формы организации, позволяет к социальным движениям отнести не только неправительственные организации, но и любые социальные структуры, действия которых имеют соответствующие цели и задачи. Эти же авторы вводят термин «контрдвижение», представляющее собой «совокупность мнений и убеждений, имеющих противоположную движению направленность»¹⁰, что также важно для нашего исследования, поскольку такое явление в нашей стране сегодня наблюдается.

Парадигма новых социальных движений предоставляет определения рассматриваемого понятия, возможно, наиболее значимые для данной работы. Во-первых, в соответствии с подходом, не констатирующим характерных отличий новых движений от традиционных, социальные движения называ-

---

⁸ Turner R., Killian L. *Collective behavior*. - N.J.: Prentice Hall, 1987. – P. 308.

⁹ McCarthy J., Zald M. Resource mobilization and social movements: a partial theory // *American Journal of Sociology*. - 1977. - Vol. 82. – P. 1218.

¹⁰ McCarthy J., Zald M. Resource mobilization and social movements: a partial theory // *American Journal of Sociology*. - 1977. Vol. 82. – P. 1220.

ются новыми в связи со временем их возникновения, а также поскольку они только начали свою деятельность и находятся на ранней стадии своего развития, что придает им неустойчивость, возможность инновационных изменений и т.п.¹¹. К таковым можно отнести большинство современных российских движений. Во-вторых, «новыми» в интерпретации представителей принципиального подхода, который базируется на том, что таковыми движения стали потому, что они являются реакцией на вызовы современности – глобальный процесс модернизации, мировой экологический кризис, необходимость самоидентификации личности в виду стирания самых различных границ (национальных, классовых, социальных и т.п.). В этой связи все чаще самоидентификация граждан происходит по ценностным ориентациям, что является одним из главных признаков новых социальных движений¹².

Второй параграф первой главы «Деятельностно-активистский подход сегодня: социокультурные различия как условие сохранения субъекта социального действия» представляет теоретический подход для выявления ответа на ключевой вопрос диссертационного исследования – существует ли в современных условиях социальный актор. Вопрос возник в связи с тем, что ряд аналитиков процесса глобализации утверждают, что глобализация предстает абсолютно новым явлением не только потому, что ликвидирует (или упрощает) социальное неравенство, но и потому, что фактически ликвидирует человека (социальную группу) как главное действующее лицо.

В противовес этому концепту одним из теоретиков деятельностно-активистского подхода А. Турэном было выдвинуто положение о сохранении в современном обществе субъекта социального действия. Он признает, что «большая часть населения втягивалась в рыночную экономику, где главная забота – отказ от любого регулирования или экономического, политического и социального контроля экономической деятельности»¹³, что исчезает тот социальный актор, который мог влиять на все социальные и политические про-

---

¹¹ Pizzorno A. Political exchange and collective identity in industrial conflicts // The resurgence of class conflict in Western Europe since 1968 / Ed. by C. Crouch, A. Pizzorno. - Vol. 2. - L.: Macmillan, 1978.

¹² Touraine A. An introduction to the study of social movements // Sociological Research. - 1985. - Vol.52. - N. 4.

¹³ Турен А. Социология без общества // Социологические исследования. – 2004. - № 7. – С. 8.

цессы своим участием в них. Однако физически «человек действующий» не ушел, он продолжает существовать и проявлять активность за пределами институтов глобализации или «глобализационных потоков», уже даже не пытаясь влиять на них. Его сегодняшняя деятельность как свободного от «общества» индивидуума или группы соотносится уже не с «принципами рациональной организации общества или с понятием прогресса, а с шансами социального субъекта на жизнь и с рисками смерти». Современные социальные движения, утратив «единство социальной системы», приобрели «единство самого субъекта в его отношении к себе, а не к внешнему или трансцендентному принципу строя». Опираясь на эти теоретические концепты, в параграфе интерпретируется современное значение деятельностно-активистского подхода для исследования социальных движений. Действительно, радикально влиять на происходящее в мире «человек действующий» не способен. Но на локальном уровне, т.е. непосредственно в месте своего проживания, в ситуации трансформации, реформирования социальных институтов для защиты собственной жизни он вынужден делать попытки оказывать влияние на происходящее. Основным вопросом заключается в том, является ли эта «репрезентация социальной жизни» столь же прочной, как и репрезентация, которая «сейчас, в конце века, исчезла из вида»¹⁴.

Тему наличия социального актора в связи с существованием культурных различий, отмечается в параграфе, развивает видный ученый-социолог М. Вивьерка. Он утверждает, что с конца 1960-х годов наблюдаются две главные тенденции появления культурных притязаний. Первая – «выражение различий во всех областях, принявших форму новых (или оживших) культурных вызовов, требующих публичного признания актора, ассоциируемого с ними»¹⁵. Вторая тенденция – «сочетание социальных требований с требованиями культурного признания»¹⁶. Это означает, что в условиях глобализации, когда огромная масса людей подвергается эксклюзии как в экономической

---

¹⁴ Турен А. Социология без общества // Социологические исследования. – 2004. - № 7. – С 9.

¹⁵ Вивьерка М. Формирование различий // Социологические исследования. – 2005. - № 8. – С. 15.

¹⁶ Там же.

(низкие доходы, приводящие к снижению качества жизни), так и в политической (отсутствие какого бы то ни было политического или социального участия) сферах, возрастает роль культурной идентификации субъектов (расовой, религиозной, местной, способов ведения хозяйства, сохранения национальной культуры или традиций и т.п.). На этой основе в параграфе представлены выявленные автором семь типов социального неравенства, ведущих к формированию социокультурных различий и соответствующих им социальных движений, дается ответ на вопрос, являются ли социальные различия причиной возникновения структур гражданского общества.

В третьем параграфе «Трансформационная структура общества» показано, каким образом современное российское теоретизирование, посвященное расстановке социальных сил по поводу происходящих в стране системных преобразований, следует использовать как теоретический подход в изучении социальных движений, какова их роль и место в российских трансформациях. Основополагающее значение здесь имеет «деятельно-структурная концепция» Т.И. Заславской¹⁷. Применительно к диссертационному исследованию, как определено в данном параграфе, это означает попытку выяснить, представляют ли собой российские общественные движения организованный авангард различных сообществ «базового слоя»¹⁸ российского общества, являются ли они участниками трансформационного процесса, какую роль они при этом играют.

Исходным понятием для нас стал выдвинутый Заславской концепт «трансформационной структуры общества», который она определяет как «системное качество общества» - соотношение влиятельности различных социальных сил на осуществляемые радикальные преобразования. Нашей задачей является выявить место в этой структуре общественных движений, используя при этом предлагаемый Заславской индикатор, которым, по ее мнению, является «инновационно-реформаторский потенциал общества», зави-

---

¹⁷ Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества: Деятельно-структурная концепция. - М.: Дело, 2002.

¹⁸ Базовый слой российского общества, по определению Т.И. Заславской, является «наиболее массовым элементом социальной структуры» и «представлен средними рядовыми россиянами».

симый как от «качества общественного устройства (институциональной и социальной структур), так и от культурно-политических особенностей данного общества». Таким образом, в параграфе определяется поле исследования – это институциональная и социальная структура базового слоя (под которым, в первую очередь, будут пониматься местные сообщества, включая и властные органы) и культурно-политические особенности местных сообществ, общественных движений и государственной власти.

В инновационно-реформаторском потенциале Т.И. Заславская выделяет три составные части (в ее определении – «компонента») – реформаторский, социально-инновационный и адаптационный. Первый из них определяется «качеством и деятельностью правящих элит и верхнего слоя бюрократии», которые «разрабатывают новые правила игры и контролируют их выполнение» Второй – зависит «от мощности, качества и характера деятельности средних слоев», к которым Т.И. Заславская относит предпринимателей, менеджеров, профессионалов, чиновников и военных и которые «практически реализуют открываемые реформами возможности, содействуя закреплению правил игры...». Третий – адаптационный – потенциал зависит «от установок, деятельности и поведения преимущественно рядовых граждан – рабочих, крестьян, служащих, массовой интеллигенции», которые, по мнению Заславской, призваны преобразовывать новые правила в повседневные социальные практики, что является «целью и конечным результатом реформ». В этой связи задачей диссертационного исследования будет определить, какому из названных компонентов более всего соответствует активность общественных движений и их качество, можем ли мы их отнести лишь к одному из компонентов инновационно-реформаторского потенциала. Остается вопрос и о том, осуществляют ли они вообще инновационную деятельность.

Исследование призвано обнаружить, насколько активность общественных движений ведет к изменениям базовых социальных практик, инновационны ли эти изменения и в сравнении с чем они таковы, осознанны ли подобные действия изучаемых коллективных акторов. В качестве точки отсчета

будет использовано определение Т.И. Заславской трансформационной активности в «более узком смысле», в котором к ней следует отнести «те модели социальных действий, которые отклоняются от институциональных традиций». Иными словами, ключевым критерием в определении инновационности для диссертационной работы, указывается в параграфе, будут не инновации, производящиеся по «передовому» западному образцу, но инновации в сравнении с тем, что было до сих пор традиционным для России.

В последнем параграфе этой главы диссертации «Социологические подходы конца XIX – начала XX вв.: выявление российской специфики» представлен и обоснован их выбор.

Западные теоретические подходы, даже учитывая их адаптацию к российским реалиям и в интеграции с современными российскими научно-теоретическими разработками, касающимися общественных движений и их места на общественной арене, не дают возможности проанализировать российские реалии в полной мере. Представляется очевидной недостаточность учета чисто российской специфики, которая, по нашему мнению, существует и радикально влияет на все сферы жизнедеятельности общества. Это вызвало необходимость обратиться к научным изысканиям российской социологии конца XIX – начала XX вв. Причем был сделан выбор в пользу раннего этапа российской социологии: именно этот период наибольшим образом схож с современными российскими реалиями.

В параграфе показано, что отличает российскую социологию этого периода и позволяет эффективно использовать ее подходы сегодня - направленность на желательные изменения, ориентация на практику, размышления о характере и миссии русского народа, соотношении традиций и инноваций, консерватизма и модернизма, поиск общезначимого социального идеала, способов согласования интересов субъектов действия.

В результате изучения трудов российских ученых был избран ряд теоретических подходов, так или иначе связанных с предметом исследования,

касающихся таких явлений как солидарность, традиционализм и инновации, герои и толпа, социокультурные процессы.

В научных разработках российских социологов, посвященных солидарности, происходил поиск тех инструментов, при помощи которых они предлагали это социальное явление анализировать. К ним в первую очередь относится понятие эволюции солидарности. Так, утверждая, что истоки солидарности находятся в доисторическом мире, где она возникает как фатальная необходимость выживания, П.Л. Лавров рассматривает ее эволюцию через объединения в различного рода союзы, с одной стороны, и через дифференциацию – с другой, но в обоих случаях для развития солидарности необходим рост сознания, мысли, условий и фактов¹⁹. Это соотношение интеграции и дезинтеграции, ситуативности и осознанности солидарности будут рассмотрены нами при анализе соотношения местного сообщества как некоего целого и его организованной части в форме неправительственных организаций. Наша задача – выявить, кто является в современных местных сообществах и других общностях носителем сознательной солидарности и представляют ли они собой тех акторов, от которых, среди прочих, зависят социальные изменения.

В анализе традиционализма и инноваций, связанных с деятельностью общественных движений и влияющих на современные социальные процессы, следует обратиться к интерпретации российскими социологами культуры как явления и как процесса. По мнению П.Л. Лаврова, культура – это «совокупность форм общежития и психических приемов», обычаев и привычек, «зоологический элемент общества», постоянно обнаруживающий «стремление передаваться от поколения к поколению как нечто неизменное»²⁰. Именно так и мы будем трактовать традиционалистские основы современного бытия сообществ. Опираясь на классификацию мысли, выдвинутую Лавровым, мы можем выяснить, кто (какие группы) являются носителями критической и

---

¹⁹ Лавров П.Л. *Философия и социология*. В 2-х тт. Т. 2. – М.: Мысль, 1965. – С. 29, 333.

²⁰ Лавров П.Л. *Задачи понимания истории. Проект введения в изучение эволюции человеческой мысли*. – М.: Изд. М. Ковалевского, 1898. – С. 24.

некритической мысли (то есть, кто является носителями традиционализма и инноваций).

Осмысливая современное разделение общества на носителей традиционализма и инноваций и понимая, что такого деления в чистом виде не бывает, следует дифференцировать группы по признаку влияния их активности на происходящие трансформации. И в этом случае российская социология предлагает свои подходы, ибо и в период их научной деятельности эти вопросы также стояли в повестке дня. Н.К. Михайловский предлагает осмысление качественного деления индивидуумов – деление на «героев» и «толпу», отнюдь не настаивая на том, что такие характеристики присущи российским сообществам постоянно, но выявляя условия, при которых такое социальное явление вероятно. Изучая современные общественные движения, к этому подходу следует обратиться, поскольку необходимым является поиск ответов на вопросы о взаимоотношении движений и сообществ - представляют ли собой лидеры движений именно таких «героев» или это деятели принципиально другого качества, каково отношение сообществ к самоорганизации.

Н.К. Михайловский установил комплекс условий, при которых происходит формирование «толпы». «Толпу» он определяет как «массу, способную увлекаться примером, опять-таки высокоблагородным или низким, или нравственно-безразличным»²¹. В диссертации они сформулированы с учетом современной терминологии: обнищание населения; невостребованность потенциальных работников экономикой; невостребованность личности – отсутствие заинтересованных или ответственных за судьбы людей; низкий уровень умственного развития и образования; скудные и однообразные впечатления; однообразие, рутинность жизни (необустроенный быт, тяжелая, нетворческая работа, не предоставляющая достаточных средств, отсутствие возможностей культурного проведения досуга и пр.) и ее бесперспективность; индивидуализм членов местных сообществ, который не имеет собст-

---

²¹ Михайловский Н.К. Герои и толпа. Избр. труды по социологии в двух томах. Т. 2. – Спб.: Алетейя, 1998. – С. 6.

венного содержания (отсутствие жизненных позиций, устремлений, стратегий) и который может наполниться тем, что волеется в него со стороны.

Глава II «Общественные движения в России: история и современное состояние», содержащая три параграфа, дает общую характеристику общественных движений – в ретроспективе и их современного состояния.

В первом параграфе «Историческая ретроспектива: этапы развития общественных движений и их общие черты» подчеркивается, что, как и любое другое социальное явление, общественные движения имеют свою предысторию. Самодеятельная социальная активность граждан начиналась в нашей стране тогда, когда происходили те или иные трансформационные процессы. В исследовании выявлены четыре исторических этапа развития общественных движений и их организаций в России: (1) период сразу после дарования свободы дворянству (1763 г. – Манифест Екатерины Великой о вольности дворянства); (2) пореформенный период (после реформ 1861 г.); (3) предреволюционный и революционный периоды начала XX века; (4) первые годы советской власти.

Изучение возникновения и развития Вольного экономического общества, земства, благотворительных организаций и краеведческих движений позволил сделать вывод о том, что все они сформировались в период начала реформирования, пик их развития приходился на то время, когда трансформации казались свершившимся фактом, после чего свертывание трансформационных процессов приводило к упадку общественных движений, большая часть которых преобразовывалась в новые управленческие институты (то есть увеличивались бюрократические структуры, но одновременно расширялись социальные сферы, которые они обслуживали) и новые научные кадры (появление новых направлений научных исследований). Финалом развития всех общественных движений конца XIX – начала XX вв. стала их ликвидация уже в советские времена.

Полученные данные об исторической ретроспективе развития общественных движений предоставили материал для того, чтобы в диссертации стало возможным произвести их сравнительный анализ с характерными чертами современных российских общественных движений и выявить, насколько деятельность последних является инновационной, а в какой мере они продолжают оставаться носителями традиционализма.

Второй параграф «Возникновение и современное состояние общественных движений (общая характеристика)» представляет описание возникновения и развития общественных движений в эпоху трансформации российского общества. Именно они и их организации представляли собой первые ячейки формирующегося гражданского общества.

В параграфе определены причины возникновения общественных движений в конце 80-х годов: сложился способствующий этому социально-экономический и политический контекст, определяемый в социологической теории как «структура политических возможностей»; для успешного формирования новой политической системы необходима была поддержка этого процесса со стороны организованных гражданских структур; общество утратило социальные гарантии, которые предоставляло государство, в результате чего отдельным категориям граждан и социальным группам требовалось оказание помощи неформальными самоорганизованными структурами; предыдущий опыт участия в советских общественных организациях, а также опыт самоорганизации в виде движения студенческих дружин охраны природы, существовавших практически во всех университетах страны, предоставили определенные навыки для нового витка развития движений.

В параграфе представлены данные о численности, составе и структуре российских движений. Констатируется, что, по меньшей мере, пятая часть взрослого населения страны в той или иной степени соприкасается с результатами деятельности неправительственных организаций. Костяк современных российских неправительственных организаций составляют объединения граждан на добровольной основе с целью разрешения конкретной проблемы,

во-первых, и тех, чья самоидентификация опирается на близость ценностных ориентаций и установок, во-вторых. Их членами в большинстве своем являются люди среднего возраста, имеющие высшее образование. Ядро организаций составляют профессионалы, увлеченные своим делом, которое соответствует их гражданской позиции. Для участия в крупных акциях привлекаются волонтеры – как правило, это пенсионеры и студенты. Большую часть членов неправительственных организаций составляют женщины, лидерами чаще являются мужчины. Структура общественных организаций уже приобрела некоторую определенность и устойчивость.

Для анализа российской ситуации важно учитывать многообразие и неоднородность функций, целей и задач общественных организаций, т.е. важной составной частью исследования общественных движений является их типологизация, которая может основываться на самых различных факторах, что нашло отражение в параграфе.

Произведен анализ ресурсов общественных движений и способы их мобилизации. В соответствии с теорией мобилизации ресурсов, и в условиях России ресурсы могут определить, изменить или скорректировать цель планируемой акции или кампании неправительственной организации. Они становятся отправной точкой при выборе стратегии и тактики действий. Более того, в некоторых случаях они могут стать даже самостоятельной целью.

В третьем параграфе «Этапы развития общественных движений и достигнутые результаты: сравнение Россия – Запад» внимание автора сфокусировано на оценке достигаемых движениями результатов и того, каким образом они этого добиваются. На основе анализа указанных параметров произведено выявление этапов развития современных российских и западных движений, а также осуществлено их сравнение (в параграфе аккумулярованные результаты представлены в виде таблицы). Обнаружено, что и в России и на Западе история социальных движений демонстрирует четыре таких этапа, правда, в России они пройдены за последние двадцать лет, в то время как на Западе этот процесс занял более шестидесяти, а включая их

предысторию – и значительно больше. Социально-экономические, политические и социокультурные условия также были и все еще остаются весьма различными. При обнаруженном сходстве способов действий общественных движений на Западе и в России достигнутые результаты разнородны.

Глава III «Местные сообщества в России: порождающая среда и контекст деятельности общественных движений» посвящена кругу проблем, связанных с качеством жизни граждан в российской глубинке, сетей их связей на локальном уровне и их отношению к движениям, что представлено в двух параграфах.

Параграф первый «Местные сообщества: порождающая среда и контекст деятельности общественных движений» охватывает анализ общих условий жизни российских локальностей, выявляет типы социокультурных установок, консолидирующих местные сообщества, стили управления и типы социального взаимодействия, носителей традиционализма и инноваций, а также доступ населения к информации.

Данные, представленные в параграфе, во-первых, подтверждают наличие подвижности социальных систем на современном этапе, сопровождающееся сохранением элементов существовавшего ранее уклада (и в советские, и в досоветские времена). Более того, эти изменения базируются на прошлой устойчивости, видоизменяются не только под воздействием происходящего «здесь и сейчас», но и с опорой на прошлое. Во-вторых, отмечается становление новых типов и форм взаимосвязей и взаимодействий, то есть формирование нового социального порядка. В-третьих, эти новые взаимовлияния зависят не только от контекста их становления и развития, но в большей мере являются «продуктом конструирования субъектами». Все это позволяет интерпретировать современную ситуацию как «открытый сценарий», ибо реальность очевидно зависит от конкретных социальных, экономических, политических действий социальных субъектов и от их воспри-

ятия/интерпретации отдельными людьми и сообществами, участвующими в построении новой реальности.

Прагматичность выбора местных жителей, получившая отражение в параграфе, заключается в следующем: не ожидать быть востребованным экономикой, но делать для своего выживания то, что возможно, а социокультурные основания такого выбора - делать то и так, что и как умеем, применяя исторически сложившиеся формы и навыки жизнедеятельности, подчас даже избегая инноваций. При этом выявляется недостаточность «практических знаний». Их не хватает обывателю для собственной ориентации в окружающем мире с целью определения, как выжить; субъектам социального действия, поскольку неустойчивость только складывающихся институтов не позволяет выстраивать тактику и стратегию действий; а также и тем, кто является «конструктором» трансформаций, ибо они имеют слабое представление (и это представление изменчиво) о том, как производящееся реформирование воспринимается «базовым слоем».

Как сторонников деятельностно-активистского подхода, внимание в данном параграфе акцентировалось на метаморфозах практических взаимодействий социальных субъектов, которые являются одной из важнейших причин социальных изменений и устойчивости общественных структур. От активной деятельности конкретных социальных субъектов сегодня часто зависит налаживание взаимоотношений, никто иной не берет на себя функцию координации действий и налаживания сотрудничества (нередко это зависит от частной инициативы отдельного лица – будь то чиновник или «общественник»).

В параграфе представлены выявленные типы социокультурных установок, консолидирующих местные сообщества, их, как минимум, пять: односторонний протест; выживание; сохранение местных условий жизни; ожидание помощи извне в сочетании с обреченностью на выживание собственными силами; ожидание активной поддержки от сильных экономических или культурных акторов – членов данного сообщества.

Качественные различия сообществ определены по критерию особенностей социальных взаимодействий. Они обнаруживаются среди групп внутри изученных местных сообществ. Выделяется группа субъектов социального действия (занимающие активную жизненную позицию граждане, самодеятельные объединения граждан в активистские группы или неправительственные организации), особенностью которой является стремление не только к налаживанию взаимодействий с другими субъектами, но и к отстраиванию механизмов таких отношений, то есть к созданию институтов. Выделяются также акторы (некоторые неправительственные организации), осознанно стремящиеся создавать сообщество неправительственных организаций или сформировать общественное движение, объединяющее различные гражданские инициативы, которые могут целенаправленно и совместно действовать для разрешения стоящих перед ними и обществом проблем. Наконец, группа, включающая в себя местных жителей, выпадающих из сферы социальных взаимодействий. В нее входят, конечно, этого не осознавая, все те, чье поведение называется девиантным. Таким образом, первые две группы активно участвуют в созидании нового социального порядка, третья группа – влияет на этот процесс весьма опосредованно.

В параграфе втором «Глобализация в России: реакция местных сообществ и общественных движений» предметом анализа является проникновение глобализации на местный уровень и вызванные этим экополитические конфликты. Имеются в виду попытки размещения предприятий ТНК или иная форма их активности в российской глубинке (в районах, районных центрах, других населенных пунктах) и реакция на это представителей местных сообществ (чаще всего в лице экологических неправительственных организаций и их сторонников) и/или общероссийских социальных движений.

Исследование проводилось в 2000-2004 годах в восьми регионах России. Внимание фокусировалось на ситуациях, в которых такая форма глобализации встречает негативное отношение вышеназванных социальных акторов, вступающих в конфликтное взаимодействие с теми, кто одобряет, под-

держивает, согласовывает и реализует подобные проекты. По нашему мнению, это «движение сопротивления» опирается на новую гражданскую идентичность: «я – гражданин своей малой родины». Вследствие имобильности основной части населения страны, многие люди осознают себя, свою жизнь и жизни последующих поколений неразрывно связанными с местом проживания - непосредственной средой обитания. Именно качество этой среды (всех ее составляющих – экономического положения и состояния социальной сферы, действующей системы управления и установившегося способа принятия решений и т.д.) во многом определяют сегодня уровень и образ жизни местных сообществ.

Эта локальная гражданская идентичность выкристаллизовывается в непосредственном столкновении активных членов местного сообщества с конкретными представителями международных финансовых и промышленных структур. Последние все чаще воспринимаются первыми как противники, поскольку привносимые ими инновации не всегда безболезненно вписываются в местный контекст, но локальный мир во многом начинает от этих инноваций зависеть. В результате, как справедливо заметил З. Бауман, «наши зависимости сегодня полностью глобальны, а наши действия, однако, как прежде, локальны»²². Наличие очевидного оппонента актуализирует данную идентичность, а жизнеспособной она становится благодаря разнообразным ресурсам, имеющимся у ее носителей. В первую очередь, это политические и организационные ресурсы: способность к самоорганизации, объединению, осуществлению коллективных протестных действий; возможности ведения диалога с субъектами власти и другими социальными акторами, участия в процессе принятия решений; поддержка со стороны местного сообщества и доступ к средствам массовой коммуникации и информации.

---

²² Бауман З. Индивидуализированное общество. - М.: Логос, 2002.

Глава IV «Общественные движения и власть: формы, результаты и этапы взаимодействия» представляет результаты исследования форм взаимодействия с властями экологического движения.

В параграфе первом «Этапы взаимодействия российского экологического движения с властью» анализируется динамика процесса.

Российское экологическое движение существует уже более 40 лет и, по нашему мнению, имеет несколько этапов развития. Каждый из них теснейшим образом связан с тем, что происходит в стране практически во всех сферах жизнедеятельности общества – прежде всего в экологической, но и в экономической, социальной, культурной и пр. Будучи частью российского гражданского общества, экологическое движение во многом зависит от типа политического режима, который на протяжении означенных лет (особенно двадцати последних) находился в перманентном процессе трансформации. Трансформировались и взаимоотношения, взаимовлияние и способы сотрудничества указанных акторов.

Первый этап – это возникновение Движения студенческих дружин охраны природы в конце 1950-х – начале 60-х годов, во времена «оттепели». К началу 1970-х гг. они существовали уже в 28 вузах 22 городов страны. Главным итогом этого этапа было возникновение первой в стране сетевой организации – Движения дружин охраны природы, что положило начало взаимодействия общественности с властями, в первую очередь – с партийными и комсомольскими органами и администрациями вузов, с региональными и местными властными органами.

«Перестройка» конца 1980-х – начало следующего этапа развития российского экологического движения. Структура политических возможностей оказалась благоприятной для самоорганизации населения страны: лидеры государства и перестроечного процесса во главе с М.С. Горбачевым призывали граждан страны к активным самостоятельным действиям – им крайне необходима была массовая поддержка процесса демократизации общества. Экологизация сознания преобразовалась в массовые коллективные действия. Ис-

следования показали, что в большинстве индустриальных и культурных центров СССР экологические общественные структуры возникли, и, как минимум, 80% от их числа действуют по сегодняшний день. Более того, их представители были избраны народными депутатами в 1989 году, выступили как консультанты многих кандидатов в депутаты, то есть члены экологического движения принимали активное участие в политической жизни страны.

Этот этап развития экологического движения завершился тем, что государство под натиском «зеленой» общественности создало первое в истории страны природоохранное ведомство – Государственный комитет охраны природы. Практически, того, за что на Западе экологическое движение боролось 40 лет, движению нашей страны удалось добиться всего за несколько лет «перестройки» – государство начало заниматься защитой природы. Этот период стал этапом активной мобилизации и частичной институционализации общественного движения, и экологической политики в целом.

В начале 90-х гг. рухнула экономика, распался Советский Союз, граждане России – практически все, исключая лишь вновь сформировавшуюся элиту, - оказались на грани выживания. Все органы государственной власти находились в стадии формирования. Таковой оказалась новая структура политических возможностей для развития экологического движения в это время. Единственное, что она предоставила, - это свободу действий: ни ресурсов, ни социальной поддержки населения, ни управленческой государственной активности не существовало.

Но в этот же период формирующиеся государственные институты, в том числе и законодательство, предоставило социальным движениям новые механизмы и ресурсы для развития, которые они с успехом использовали. Законодательная база закрепила роль и место общественных объединений на политической арене страны. Появились законные основания их сотрудничества с властями всех уровней. Теперь и властями они стали восприниматься как вполне легитимные акторы, с которыми следовало считаться, но насколько - зависело от качества самих общественных инициатив.

В целом этот этап развития экологического движения ознаменовался активным процессом институционализации самих экологических неправительственных организаций, а также формированием относительно устойчивых практик взаимодействия движения с властями.

К середине 90-х годов стало активизироваться государственное управление, и в первую очередь, налаживался контроль над субъектами социального действия. Активность экологических общественных организаций, их статус и позиции свидетельствовали об изменениях способов их взаимодействия с властями, что указывает на следующий этап развития этих взаимоотношений. Новый способ, осуществлявшийся в это время властными структурами всех уровней, состоял в том, что в диалоге с общественными организациями участвовать они еще не отказывались, но учета их мнений уже не просматривалось. В результате чтобы быть услышанными, экологическим неправительственным организациям приходилось предварительно оказывать серьезное давление, мобилизуя при этом население и экспертов, способных дать научное заключение по той или иной проблеме.

В 2000 году указом Президента РФ расформирован государственный природоохранный орган. Ликвидация этого ведомства стала первой на этом этапе развития движения проблемой, которая вызвала активную реакцию экологического сообщества. Экологи-общественники посчитали, что разрушение государственного управления в области охраны окружающей среды – это угроза экономической, экологической и социальной безопасности России, и приводили весомые доводы в пользу этого мнения. Была осуществлена попытка проведения общероссийского референдума по этому поводу, однако в его проведении было отказано.

Название нового ведомства – Министерство природных ресурсов РФ – свидетельствовало об очевидной смене государственных приоритетов. Для экологического движения это означало необходимость продолжать поиски путей влияния на процесс принятия решений. Политические реформы 2000-х гг. создали положение, при котором общественные движения не могут вы-

двигать своих членов в кандидаты в депутаты, а значит – не смогут доносить свое мнение до лиц, принимающих решения. Возникла необходимость создания экологической партии, чем и занялось политическое крыло экологического движения. Продолжается и повседневная деятельность по защите природы, но теперь результаты достигаются все чаще не в рамках переговоров и согласования интересов, а в форме обращений в судебные инстанции, а еще чаще - в виде протестных акций и кампаний.

В параграфе втором «Протестные действия общественных движений: защита Байкала - демократия в действии» показано, что на фоне опасений утраты достигнутого уровня развития демократии в нашей стране длительная и многотрудная борьба за убережение Байкала от рисков, которые могут проявиться в связи с реализацией проекта строительство трубопровода, продемонстрировала рост демократии снизу. Оказалось, что местное население (по крайней мере, его активная часть) и сформированные им неправительственные организации не только являются носителями экологических и культурных ценностей, но и способны отстаивать свои позиции, причем вполне конвенциональными способами.

Представленный случай показал, что неправительственные организации способны формулировать цели, разрабатывать программу действий, мобилизовывать население, являющееся их основным, если не единственным, ресурсом. При практическом отсутствии институтов и каналов трансляции позиций общественности и их учета властями, они смогли применить ряд технологий для оказания необходимого влияния на структуры, принимающие решения, осуществить их и в результате достичь поставленных целей. Это старые, давно известные и проверенные в действии технологии массовых акций (митинги, демонстрации), сбор подписей, заявления и обращения, переговорный процесс с региональными властями, авторами и исполнителями проекта строительства трубопровода, поиск и мобилизация сторонников из числа неэкологических движений, политических партий, вплоть до регионального отделения Единой России, опора на экспертное мнение. В ходе

кампании протеста возникли и были применены новые технологии: в первую очередь, это интернет-форум, позволивший показать разброс мнений и интенций защитников Байкала в режиме ежедневного информирования пользователей, что было особенно важно в условиях молчания СМИ, а также новые агитационные формы – граффити, флеш-мобы и т.п.

В результате анализа развернувшегося противостояния и различного типа взаимодействий внутри него удалось выявить расстановку социальных сил относительно рассмотренной проблемы. С одной стороны оказались те, кто ориентирован на экономические интересы (хотя и с оговорками об экологической безопасности), - федеральные власти, «Транснефть», Государственная экологическая экспертиза, СМИ, судебные органы. Единственным, кто показал себя экономически ориентированным, но выступающим против проекта был менеджмент РЖД, поскольку его интересы вошли в острое противоречие с интересами «Транснефти». Противоположную (экологическая ориентация и резкое неприятие проекта) сторону представили неправительственные организации разной направленности, общероссийское экологическое движение, местное население, экспертное сообщество, отдельные представители Государственной Думы и интеллигенции. В ходе конфликта проявилось и очевидное противостояние сил региональных Центру. Причина «регионалами» была четко сформулирована: действия федеральных властей не учитывают местные интересы. Позицию «наблюдателей» занимали Президент РФ и население страны в целом. Именно эти два актора выступают, в конечном счете, как арбитры, выносящие окончательное решение, предварительно проверяя его верность демократическим способом – выясняя, чья точка зрения победит. Когда перевес очевидно оказался на стороне защитников Байкала, В.В. Путин принял известное решение, которое поддержало все общество.

Глава V «Общественные движения и защита интересов социальных групп» демонстрирует итоги исследований общественных движений, целью которых является защита интересов граждан – трудящихся и их тру-

довых коллективов; рядовых жителей городов России и мелких предпринимателей, проблемой которых является недостаток материальных средств; действующих специалистов-практиков, стремящихся защитить свои права на профессию, поддержать условия для эффективного выполнения профессионального долга.

Параграф первый «Российские профсоюзы и их роль в институционализации трудовых конфликтов»

К рубежу столетий расклад сил внутри профсоюзного движения был следующим. Самой массовой и ставшей наследницей советских профсоюзов оказалась ФНПР. Федерация (как показала практика) восприняла традиции взаимодействия с государством, основная масса членов профсоюзов и их организации на местах остались в ее рядах, ей перешла вся материально-техническая база советских профсоюзов. Практически прежним (советским) остался и отрыв профсоюзной верхушки от своих рядовых членов. Однако полностью оставаться на прежних позициях в новых условиях ФНПР не удастся, в основном благодаря тому, что появились новые политические и социальные структуры (в том числе альтернативные или свободные профсоюзы), которые активно выступают в защиту интересов трудящихся. Ярким примером является ситуация, вызванная монетизацией льгот. Стихийные коллективные выступления по всей стране на определенном этапе попытались возглавить радикальные организации (вплоть до НБП), и только тогда проявилась активность ФНПР.

Одним из активизирующих деятельность «старых» профсоюзов факторов явились альтернативные профсоюзы, которые практически лишены всех ресурсов – материально-технических, административных (поддержки властей и работодателей), организационных (всю деятельность приходилось начинать с нуля). Единственное, что оказалось в их распоряжении, точнее сказать, на что они опирались, была и есть их социальная база, то есть их тесная связь и опора на трудящихся. Ее наличие определяется тем, что они действительно представляют и отстаивают реальные и актуализированные интересы

трудовых коллективов или их части (конкретной социальной группы): лидеры и все члены их профсоюза - одно целое, а «профсоюзная работа для них – состояние души, цель, смысл и образ жизни»²³.

Укрепление государственной власти, начавшееся с 2000 года, означало формирование новой системы управления, что затронуло все сферы, в том числе и роль профсоюзов в трудовых отношениях и процессе управления на предприятиях. Основным шагом федеральной власти в этой области стало принятие в 2002 г. нового трудового кодекса. Новый КЗоТ был очевидно ориентирован на поддержку развития активности новых экономических акторов – участников рыночных отношений. В результате роль профсоюзов оказалась сниженной. Они превратились практически в совещательный орган. А главная сохраненная за ними функция – заключение коллективного договора – сформулирована таким образом, что реально ограничивает участие в этом процессе альтернативных профсоюзов. Коллективный договор отныне подписывает только тот профсоюз, в котором состоит большинство членов трудового коллектива. Однако отмечено, что свободные профсоюзы не снизили своей активности.

Кроме того, появилась еще одна сила, связанная и вызванная к жизни процессом глобализации. Все больший вес и значимость приобретают профсоюзы транснациональных корпораций, имеющих свои предприятия на территории России. Сегодня широкой общественности известны именно акции российских отделений международных профсоюзных организаций.

В параграфе подчеркивается, что и на современном этапе развития российского общества профсоюзы остаются субъектом социального и политического действия, то есть, хотя и в разной мере, но являются участниками процесса принятия тех или иных решений, и не только экономических. Вопрос лишь в степени их влияния, которая зависит от их связи с трудовыми коллективами и соответствия их деятельности интересам трудящихся.

---

²³ Кацва А.М. Социально-трудовые конфликты в современной России: истоки, проблемы и особенности. - М. - СПб.: Летний сад, 2002.

Параграф второй «Профессиональная самоорганизация в виртуальном пространстве: работники службы скорой медицинской помощи Москвы в поисках солидарности» посвящен анализу особого типа гражданской самоорганизации. Во-первых, она является профессиональной, поскольку ее цель - защита профессиональных интересов. Во-вторых, процесс самоорганизации осуществляется в виртуальном пространстве, но его результатом оказывается формирование организации, активно действующей в пространстве реальном. Исследование направлено на выявление основных свойств этого нового для России феномена.

Анализ ресурсов российской части Интернет показал, что формирование виртуальных сообществ, ориентированных на сохранение и развитие профессии, явление не единичное. Но именно работникам скорой помощи удалось превратить Интернет-ресурс в общественную организацию, и от ее имени начать взаимодействие со СМИ и государственными структурами, а затем зарегистрировать альтернативный профсоюз.

Сообщество, формирующееся в результате процесса самоорганизации, инициированной создателями сайта «Фельдшер.ру» может быть интерпретировано как прообраз профессиональной ассоциации англо-американского типа. Создан профсоюз, защищающий права рядовых работников, предпринимаются попытки найти контакты с властью, распространяются профессиональные знания и формируются этические нормы. Врачи добиваются повышения статуса своей профессии и ее ресурсной обеспеченности. В то же время самоорганизация врачей российской СМП существенно отличается от западных моделей профессионального саморегулирования, по крайней мере, на ее современном этапе и в существующих условиях.

Процесс создания сообщества и профсоюза «Фельдшер.ру» инициирован рядовыми врачами и фельдшерами. Действия профсоюза направлены одновременно на защиту интересов профессионалов и на сохранение самой профессии, что отличает «Фельдшер.ру» даже от других альтернативных профсоюзов. Профессия выездного врача, фактически не имеющая карьер-

ных перспектив, сама по себе является для членов сообщества «Фельдшер.ру» одной из главных жизненных ценностей. Отношение к профессии как к самой жизни или ее важной части - характерная черта именно российской культуры. И в этом смысле «Фельдшер.ру» (сайт и профсоюз) представляет собой российский тип профессиональной самоорганизации, действия ее участников основываются во многом на традиционных для российской культуры установках и ценностях, несмотря на инновационность способа самоорганизации. Традиционными являются и вынужденные изменения этических норм в дозволенных культурой, а не государством, границах; и образ идеального доктора «03» - образованный, интеллигентный, грамотный и т.п.

В деятельности «Фельдшер.ру» нет и конкурентной борьбы за привилегии, и стремления к полной закрытости, свойственных профессиональному саморегулированию западного образца. Сообщество и профсоюз Фельдшер.ру остро нуждаются в солидарной поддержке со стороны медиков других специальностей и населения. Однако больших успехов этот поиск солидарности не приносит. Надежды на то, что публикации и дискуссии на сайте повлияют на общество и власть, не оправдались. Тем не менее, виртуальное пространство позволило объединить разделенных особенностями организации труда коллег, мобилизовать ресурсы и создать профсоюз, сформировать сообщество. Интернет оказался средством давления на работодателя, так как анонимность общения многим обеспечила свободу выражения своей позиции. Но действия альтернативного профсоюза и сайта остаются локальными даже в глобальной сети.

Параграф третий «Деятельность структур гражданского общества в экономической сфере» рассматривает весьма специфическую социальную активность неправительственных организаций, которые получили название «кредитные союзы». Их активность направлена на материальную поддержку представителей того слоя населения, от установок, деятельности и поведения которого, по Т.И. Заславской, зависит адаптационный потенциал общества. Социальное самочувствие (которое Т.И. Заславская рассматривает как кос-

венную характеристику адаптированности) этого слоя зависит от уровня благосостояния его членов, поэтому столь значима направленность действий исследуемых организаций.

Исследование базируется на мониторинге электронного бюллетеня кредитных союзов России «КС-Новости». Были проанализированы сайты кредитных союзов с целью уточнения на конкретных примерах того, как социальные реалии отражаются в презентациях отдельных неправительственных организаций, подтверждения или опровержения фактов и данных, полученных при осуществлении мониторинга. Изучению подлежали документы и материалы кредитных союзов и их объединений, включая учебные пособия, которые предоставляли для анализа методологические подходы, использовавшиеся инициаторами создания кредитных союзов и используемые ныне лидерами движения для осуществления его дальнейшего развития. Оценки и суждения экспертов выявлялись также методом экспертного интервьюирования двух основных консультантов движения.

Кредитные союзы – организации, целью которых является мобилизация финансовых ресурсов и их последующее распределение, – наиболее яркий пример общественной активности по привлечению и использованию ресурсов. Именно потому, что их деятельность связана с перемещением денежных потоков (пусть и очень малых), востребованными оказываются те ресурсы, которые помогают в обращении с деньгами и в достижении устойчивости управления организацией. Здесь выдвигаются на первый план административные, управленческие, организационные ресурсы и даже ресурсы солидарности. В этой связи анализ опирался на теорию мобилизации ресурсов, которая помогла выявить тип мобилизации (насколько сильны в ней черты традиционализма и инновативности); произвести классификацию используемых ресурсов, что продемонстрировало и основные проблемы данного движения; определить способ организации, позволяющий движению наиболее эффективным образом мобилизовывать ресурсы. В конечном счете сделан вывод о характере самого движения как движения, возникшего «снизу», по инициа-

тиве самих граждан, и деятельность которого направлена на разрешение их личных проблем способом коллективного действия.

В **Заключении** делаются выводы о том, насколько влиятельными оказываются на современном этапе российские общественные движения как часть инновационно-реформаторского потенциала общества.

Исследование показало, что современные местные и другие сообщества оказались (несмотря на 70-летний период тоталитаризма) способными выдвигать из своих рядов инициативных и инновативно ориентированных граждан. Последние, в свою очередь, проявили восприимчивость не только к новым (инновационным) для них ценностным установкам демократического общества, но и готовность к самоорганизации, формированию самоуправленческих начал внутри сообществ, созданию независимых общественных организаций. Следует отметить, что процент таких «активистов» очень быстро (с начала Перестройки и до 2000 года) достиг среднего значения граждан, занимающих активную гражданскую позицию в демократически развитых обществах.

Социальные движения и неправительственные организации сами по себе являются инновационными для современной России социальными структурами – и потому, что при советской власти таковых (за редким исключением) не было, и потому, что они формировались в соответствии с современными западными образцами (хотя и с модификациями, отражающими российскую специфику).

К 2000-ым годам общественные движения и неправительственные организации представляли собой часть инновационно-трансформационного потенциала, поскольку являлись носителями демократических ценностей и последовательно стремились участвовать в преобразовательных процессах. Именно они являлись инициаторами взаимодействия с властями различных уровней и по различным вопросам, что уже к середине 1990-х годов способствовало формированию инновационных для России устойчивых практик во

взаимоотношениях общества и государства. Их деятельность сделала актуальной разработку законодательных и нормативных актов, посвященных статусу и активности общественных образований.

Менее всего социальные движения и неправительственные организации преуспели в выполнении функции актора, способствующего развитию адаптационного потенциала базового слоя российского общества. Однако зависит это, прежде всего, от того, что действовать они вынуждены в условиях весьма традиционалистски ориентированного социального контекста. И власти всех уровней (местные – в большей степени), и СМИ, и сообщества (местные, профессиональные, трудовые, соседские и т.п.) продолжают оставаться носителями традиционализма (это и понятно: давно установлено, что ценности и традиции общества не подлежат быстрому изменению). В первую очередь неизменным оказался авторитарный стиль управления, осуществляющийся властными органами, и прагматичность широких слоев населения, выбирающих традиционные и проверенные временем технологии выживания (индивидуальный труд, в лучшем случае – труд дружеской или семейной группы), а не коллективные действия в инновационном для них формате социальных движений или неправительственных организаций.

Таким образом, основной вывод исследования заключается в том, что социально-инновационный элемент российского общества в лице социальных движений, действуя в традиционалистской среде, остается лишь инновационным потенциалом, который при более благоприятных социальных и политических условиях может актуализироваться, а общественные движения смогут преобразоваться во влиятельного актора.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях (общее количество публикаций превышает 80 единиц, общий объем – около 350 п.л.):

Монографии

1. Халий И.А. Современные общественные движения. Инновационный потенциал российских преобразований в традиционалистской среде. – М.: Институт социологии РАН, 2007. – 298 с. 19 п.л.

2. Автопортрет местных сообществ. Анализ социологических опросов и глубинных интервью. Коллективная монография / Рук. Авторского коллектива и отв. редактор – И.А. Халий. - М.: Институт социологии РАН, 2006. – 312 с. (личный вклад автора – 9 п.л.).

3. Институционализация экологической политики в России: социальные практики, стратегия государства, управленческие решения / Рук. Авторского коллектива – О.В. Аксенова, отв. редактор – И.А. Халий. – М.: Институт социологии РАН, 2006. – 272 с. (личный вклад автора – 7 п.л.).

Статьи в журналах списка ВАК

4. Халий И.А. Местные сообщества в России – носители инноваций и традиционализма // Власть. 2008. № 5. (0,6 п.л.)

5. Халий И.А. Проблема формирования и законодательного регулирования кредитных союзов // Вестник РУДН. – 2008. - № 1. (0,8 п.л.)

6. // Халий И.А. Экологическое общественное движение и власть: формы взаимодействия // Полис. – 2008. - № 4. (0,8 п.л.)

7. Халий И.А. Общественные движения в России до конца 1920-х годов: развитие в эпоху трансформаций // Социологический журнал. 2008. № 2. (0,9 п.л.).

8. Халий И.А. Защита Байкала: хроника конфликта // Социологические исследования. – 2007. - № 8. (0,8 п.л.)

9. Халий И.А. Информационная политика местных СМИ (на примере публикаций, посвященных гражданскому обществу) // Социологические исследования. – 2006. - № 8. (0,5 п.л.)

10. Халий И.А. Экологическое и национально-патриотическое движение в России: союзники или противники? // Социологические исследования. – 1995. № 8. (0,9 п.л.)

11. Халий И.А. Экологические инициативы в крупном индустриальном центре // Социологические исследования. – 1992. – № 12. (0,8 п.л.)

12. Халий И.А. Инвайронментальная социология: потрясение основ (аналитический обзор) // Социологические исследования. – 1992. – № 12. (0,7 п.л.)

Статьи в научных сборниках

13. Халий И.А. Профессиональная самоорганизация в виртуальном пространстве: работники скорой медицинской помощи в поисках солидарности // Россия реформирующаяся. Ежегодник. Вып. 7 / Отв. ред М.К. Горшков. – М.: Институт социологии РАН, 2008. (1 п.л.)

14. Халий И.А. Местные сообщества в России: соотношение общего и специфического, традиций и инноваций // Региональная социология в России: Сборник материалов социологических исследований / Отв. ред. В.В. Маркин. – М.: Экслибрис-Пресс, 2007. (0,9 п.л.)

15. Халий И.А. Информационная политика местных СМИ // Межотраслевое взаимодействие в социальном управлении (к 20-летию создания Межотраслевого научного коллектива под руководством Т.М. Дридзе): Материалы VI Дридзевских чтений / Отв. ред. Е.М. Акимкин, А.В. Тихонов. – М.: Институт социологии РАН, 2007. (0,7 п.л.)

16. Халий И.А. Институты гражданского общества в современной России. К методологии изучения // Россия реформирующаяся. Ежегодник. Вып. 6 / Отв. ред. М.К. Горшков. – М.: Институт социологии РАН, 2007. (1 п.л.)

17. Халий И.А. Партийное строительство «зеленых»: ответ на вызовы современного политического реформирования // Публичная политика в современной России. Субъекты и институты / Отв. ред. Н.Ю. Беляева. - М.: ГУ-ВШЭ, 2006. (0,8 п.л.)

18. Халий И.А. Стратегия развития местного сообщества: инициатива снизу // Социальное управление, коммуникация и социально-проектные технологии. Материалы Всероссийской конференции / Отв. ред. – А.В. Тихонов. – М.: Институт социологии РАН, 2006. (0,5 п.л.)
19. Халий И.А. Местные сообщества и типы социального неравенства // Неравенство и публичная политика. М.: Горбачев-Фонд, 2005. (0,5 п.л.)
20. Халий И.А. Российская локальность: интродукция глобализации и экополитические конфликты // Россия реформирующаяся. Ежегодник- 2004 / Отв. ред Л.М. Дробижева. – М.: Институт социологии РАН, 2004. (1 п.л.)
21. Аксенова О.В., Халий И.А. Развитие общественных движений в современной России // Россия реформирующаяся. Ежегодник- 2003 / Отв. ред. Л.М. Дробижева. - М.: Институт социологии РАН, 2003. (личный вклад автора – 0,6 п.л.).
22. Халий И.А. Социальное партнерство как механизм формирования толерантности // Публичная сфера и культура толерантности. Общие проблемы и российская специфика.- М.: Горбачев-фонд, 2002. (0,4 п.л.)
23. Аксенова О.В., Халий И.А. Экологическая политика на региональном уровне // Россия: трансформирующееся общество / Отв. ред. В.А. Ядов. - М.: Канон-Пресс-Ц, 2001. (личный вклад автора – 0,5 п.л.).
24. Халий И.А. История становления неправительственных организаций в России // Роль экологических неправительственных организаций в решении проблем окружающей среды. М.: РАН, 2001. (0,7 п.л.)
25. Халий И.А. «Зеленое» движение в России в конце XX века // Россия в окружающем мире: 2000 (Аналитический ежегодник). - М.: МНЭПУ, 2000. (1 п.л.)